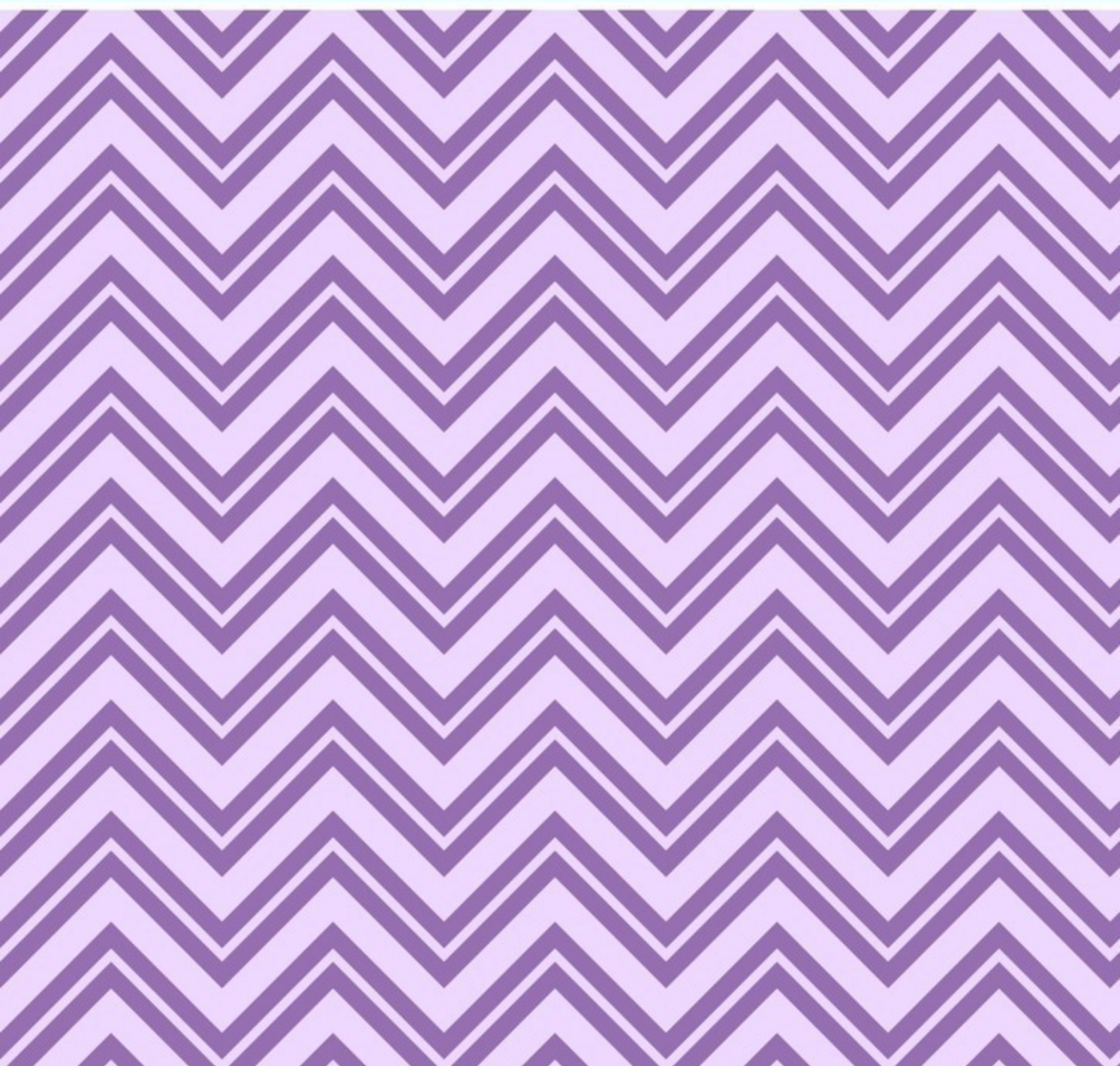

ИРЕН СКРЫТСКАЯ

ТВОЯ СТОРОНА

Ирен Скрытская

Твоя сторона

«Издательские решения»

Скрытская И.

Твоя сторона / И. Скрытская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932116-9

Сможет ли современный подросток выжить в блокадном Ленинграде, если даже в своём мире ему трудно уживаться с окружающими. История героя книги Тима позволит убедиться, что трудные условия не только способствуют выживанию, но и способны пробудить лучшие качества в человеке.

ISBN 978-5-44-932116-9

© Скрытская И.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвёртая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Твоя сторона

Ирен Скритская

© Ирен Скритская, 2018

ISBN 978-5-4493-2116-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Кавардак в голове

В жизни Тима сложилась такая ситуация, будто он стоял на краю обрыва. Стоять на краю было страшно, а упасть туда было ещё страшней. Но он не делал ни шагу назад от крутого спуска, потому что для этого нужно было выбирать между двумя вещами: говорить правду или нет. Так вот, он боялся её сказать. Получалось, что Тим – трус. Считать себя таковым не хотелось. И Тим нашёл факты, которые оправдали его.

Таковых у него оказалось несколько. Первая и главная: он состоял в одной странной организации, которая, к тому же, была тайной. Их главаря, Влада, он терпеть не мог, но скрывал это. А тот наоборот, Тима очень уважал. Считал его своим преемником и часто давал ему деньги. Тим брал. А кому деньги не нужны? Правда, Тим для этого выполнял его разные поручения. Мужика этого звали Влад, и было ему лет сорок. Старый, конечно, но кто его знает, сколько он проживёт? Тим часто мечтал: просыпается он утром, а Влада нет. И все его мучения разом заканчиваются.

Но Влад никуда исчезать не собирался. Наоборот – с каждым днём становился всё объёмнее. Он придумывал для Тима всё новые и новые поручения, которые мальчишке очень не нравились, и при этом продолжал хвалить его за их выполнение. Он говорил во всеуслышание, что Тим умный, особенный, самый крутой. С одной стороны, приятно, а с другой... На самом деле это означало, что Тим был у Влада под колпаком – тот вертел им, как хотел. Например, даёт ему деньги и тут же говорит, что Тим, когда вырастет, станет продолжателем его дела. И смотрит при этом такими глазами, что жутко становится. А Тим этого вовсе не хотел. Программистом он собирался стать. Но возражать Владу боялся. Ведь мало того, что он перестанет давать ему деньги, так ещё и убить запросто может. Это ему – что воды напиться. А Влад одно твердит: ты мне как сын, вообще могу тебя усыновить. Знает ведь, что у Тима родителей нет. Может, он поэтому Тима и выбрал, что тот сирота? Тим вздохнул. Воспоминания не давали ему ни секунды покоя. Даже вчера. Вот что Влад ему сказал?

Тим вспомнил, как Влад пожевал незажжённую толстую сигару, тут же выплюнул её (была у него такая привычка) и насмешливо начал говорить ему.

– Сейчас дело одно важное решу, говорит, тогда и усыновлю. Надоело мне моё одиночество, да и тебе будет хорошо. Один ведь ты на свете. И посмотрел на него очень неприятно.

А вот и неправда – не один. У Тима дед есть. И Тим его очень любит. Только показать это боится. Вот это и есть вторая и не менее важная причина. Тим всё время грубит деду, особенно на людях, при друзьях, чтобы, никто и предположить не мог, как он привязан к нему, ведь засмеют! Тим грубил деду, а самому его так жалко... До слёз! А дед только вздыхает и молчит. Себя считает виноватым во всём, что с Тимом происходит. Тим сам слышал, как он говорил соседке: «Я заслужил. Что я могу дать Тимофею? Старый я, больной. Ему не за что меня любить...»

Как это не за что! Да его дед лучше, чем у многих отцы с матерями! Только вот сказать это деду у Тима язык никогда не повернётся. Поэтому Тим срывался и грубил ему ещё больше. Хотя не хотел этого ни капельки, но какая-то непонятная сила внутри сердца сжимала всю его доброту, не давала ей проявляться и заставляла говорить эти ужасные слова. Самое кошмарное, что он сказал за последнее время, это такие слова: «Когда же меня от тебя в детдом заберут?» И как только язык повернулся?

Ведь это была третья вещь, которой он боялся: расстаться с дедом, попасть в детдом. На самом деле он хочет, чтобы у него был дед! Он – отец мамы. Кому объяснишь, что дед –

единственная ниточка, которая связывает его с мамой? Но признаться в этом невозможно. Почему-то кажется ему это постыдным.

Может быть, ещё сильнее, чем те две предыдущие задачи, его страшила эта. От этой мысли по ночам просыпался: вдруг какая-нибудь комиссия возьмёт и признает деда дряхлым, неспособным воспитывать ребёнка и заявит Тиму: «Давай-ка, Тимофей, собирайся, будешь в детском доме жить». Вот тогда неизвестно, что Тим может сделать! Он может ударить кого-нибудь из комиссии, или в окно выскочить, или ещё что-нибудь...

А ведь всё возвращается к Владу. Он желает усыновить Тима, Тим этого не хочет, но продолжает брать у него деньги, чтобы в доме всегда была еда и одежда, чтобы никакая комиссия не признала, что дед не может содержать внука. Какая-то непонятная круговерть. Две тёмные стрелки, как рисуют на исторических картах, надвигались на Тима с противоположных сторон, и от обеих стрелок исходила одна и та же опасность: они могли разлучить его с дедом. А он сам только и делал, что ухудшал с ним отношения вопреки всякой логике. Нет, от этого можно с ума сойти.

Всё это Тим обдумывал, пока стоял в очереди в кассу. Теперь он оплатил покупки и вышел. Сейчас его задача – положить эти продукты в холодильник и внушить деду, что ему удалось на чём-то сэкономить, поэтому он и купил килограмм сосисок, мясо для борща, сыр, сметану, хлеб, фрукты и трёхлитровую банку сока. Он специально подгадал к приходу инспектора. Она всегда первым делом лезет в холодильник, проверяет, хорошо ли дед кормит Тима. Дед всегда изо всех сил старается, варит супы и каши, которые Тим почти не ест, даже котлеты сам крутит на допотопной мясорубке, иногда печенье печёт и пирожки. Но никогда Тим ещё даже спасибо не сказал. А вот перед приходом инспектора всегда бежит в магазин и покупает дорогие продукты на ЭТИ деньги, чтобы никто к ним не прикопался.

После магазина его ждало ПОРУЧЕНИЕ. Он опять должен был передать пакет кому-то из знакомых Влада.

Пакет лежал под курткой. Тим несколько раз его нащупывал. Всегда его жгла мысль: что там? Но открыть не решался. Тиму казалось, что Влад обязательно узнает об этом и сделает с ним что-нибудь ужасное.

Но ещё хуже были их сборы.

Влад тренировал их, учил разным приёмам. борьбе, учил, как выживать в тяжёлых условиях, они в походы ходили... Но вместе с тем он внушал им: вы избранные. Только те, кто с нами, выживут, а остальные... Короче, туда им и дорога.

Сначала это всем ребятам нравилось. В этот удобный для него момент Влад научился управлять ими. Что бы он ни сказал своим подопечным, они всему верили. Влад внушал им: всё в нашей стране неправильно, и то, что в учебниках истории написано – неправда. Вот они вырастут и перепишут.

А ещё он говорил, что Гитлер был прав.

Здесь Тиму вообще делалось не по себе, но он не осмеливался возразить. Если Владу возражать, он сразу замолкает и так на тебя посмотрит, что ой-ой-ой. Стальным таким, холодным взглядом.

Тим один раз хотел сказать: не буду носить передачи и денег мне больше не надо. Так Влад, похоже, догадался, что он хотел сказать и посмотрел вот этим своим взглядом. У Тима даже язык онемел. И он, конечно, ничего не сказал.

А недавно такой случай был. Игорь, один парень из их группы, сказал, что Влад им неправду говорит. Так Влад пару минут таким взглядом на него смотрел, а потом как ударит его кулаком по лицу! И ещё раз, и третий. Нос ему сломал. Оба глаза заплыли. И никто ничего не сказал, никто не заступился. Влад им потом сказал: «Не вздумайте вякать. И ты (это он Игорю), попробуй только ещё раз выступить или меня заложить. Конец тогда твоей сестрёнке». Знает, что Игорь сестру больше всех любит.

Тим тогда возненавидел Влада.

Но продолжать прислуживать ему, вопреки своим чувствам и желаниям. Где же найти выход из этой ситуации? Может, из дома убежать?

С этими мыслями Тим выскочил из магазина. Он, как обычно, даже не глянул по сторонам, хотя по этой узкой дороге довольно часто шныряли машины. Он всё думал о содержимом конверта, о том, что будет, если конверт открыть и какая за этим последует расплата. Мысль об этом почему-то доставляла ему и ужас, и странное удовольствие. Именно в этот момент, когда он в очередной раз представлял себе, как открывает конверт, он услышал шипение шин и вопль автомобильного сигнала: машина выскочила из-за угла и чуть не сбила его. Точнее, она чуть-чуть зацепила его, но Тим, даже не почувствовав боли, тут же вскочил на ноги и побежал, он бежал изо всех сил, а ругательства, которые доносились из машины, только подгоняли его. Тим мчался до тех пор, пока не споткнулся. Впрочем, об этом поподробнее. Здесь важно то, обо что он споткнулся. Вернее, об кого. И куда упал.

На его пути сидел короткий и упитанный мальчишка в очках, рядом с ним стоял какой-то футляр. Он сидел в переулочке на перевернутом ящике, вытянув ноги вперёд, и жевал огромную булку. Об эти-то ноги и споткнулся Тим и полетел вперёд, рухнув через какие-то секунды в огромную и глубокую лужу. Нет, это был не его день. Промок он весь и сразу. Та же участь постигла и конверт. Теперь он не имел никакой ценности, и тайна его расплылась в грязной луже. Новый ужас атаковал Тима. Он не мог представить себе, как он явится к Владу и скажет, что конверт испорчен и не передан по месту назначения. И всё из-за того, что этот пень в очках расселся тут посреди улицы и... Тим рассвирепел. Он вскочил и сразу направился к мальчишке, отмечая про себя его бледный вид и растерянный взгляд за кругляшками очков. Тем не менее, он поспешно дожёвывал булку.

– Слушай, ты, ботан... – Тим искал слова, но ему это не удавалось, поэтому он сразу приступил к делу: виновник его падения получил сначала в нос, потом в глаз (мальчишка не защищался, только успел очки снять). Тим хотел уделать его по полной, но кровь, хлынувшая на пиджак, остановила его.

Нет, Тим и не думал применять к нему все приёмы, которым он научился в организации у Влада. Что с ЭТИМ драться? Всё равно он ничего не умеет. Очкарик!

– Ты чего расселся здесь, а? Другого места нет? Вот придурок!

Вообще-то стоит объяснить, почему Тим так взъелся на этого безобидного и толстого мальчишку. Костик Медузов был его одноклассником. С Костилом этим никто не дружил, все относились к нему с презрением, с самого первого класса определив его «место» среди других и его сущность: «ботан», «тюфяк», «медуза» или «трубач»... Кому что больше нравилось. Его раньше часто били, но Костик никогда не сопротивлялся, не плакал и не жаловался. Может поэтому, в конце концов, его оставили в покое и почти что перестали замечать. Вот и Тим относился к Костику как к пустому месту, даже про себя никогда не отмечая его присутствия, но сейчас, испортив из-за него драгоценный конверт, просто запылал от ненависти к этому отверженному из 7 «Б». И тот факт, что Костик никак не реагировал на мордобой и даже очки снял, как будто бы для того, чтобы добавить удобства Тиму для дальнейшего битья, окончательно взбесил его. Он остановился, чтобы сообразить, чем же он сможет вывести проклятого тюфяка из себя, и тут его глаз заметил футляр! Ну, конечно! Там лежит его дурацкая труба. Вот ей-то и нужно зацепить ботана! Сейчас его дуделке придёт конец! Тим быстро оттолкнул Костика к стене и ухватил футляр.

– А ну, не тронь!

Тим даже усмехнулся. Он толком-то и не знал, как звучит голос Костика, ведь он никогда не разговаривал с ним, а его ответы на уроках отродясь не слушал. А тут, гляди, заговорил!

– Положи, я говорю!

– Это ты мне? – Тим всё ещё не верил своему слуху.

– Ты же схватил флейту! Положи!!!

– Размечтался!

Тим быстро щёлкнул замочком и торжествуя извлёк длинную узкую трубочку с кучей клапанов. Как он её назвал? Флейта? Тиму было по барабану, что флейта, что труба.

– Вот сейчас я её...

Он не договорил, потому что Костик, утерев кровь рукавом, отчаянно выбросил вперёд руку и неумелый, но сильный удар прилетел Тиму прямо в глаз. Одновременно с этим, другой рукой, он выдернул у противника флейту, сунул её во внутренний карман и дал дёру. Тим, отличавшийся быстротой реакции, почти сразу оценил случившееся и ринулся за Костином следом. Подожди, тюфяк, приговаривал он на ходу, подожди... я тебя в два счёта догоню, и здесь придёт конец тебе и твоей трубе.

Они бежали долго и, в конце концов, оказались на каком-то пустыре. Место было незнакомое. Костик, видимо, уже не мог бежать и, еле дыша и прижимая к груди футляр с инструментом, медленно отступал назад.

Это развеселило Тима.

– Что ты пятишься? – смеясь говорил он. – Что ты пятишься? Всё равно ведь я до тебя доберусь, и твоей трубе – конец.

После этих слов Костик исчез. Вот только что стоял на пригорке – и уже его нет.

Тим быстро вбежал на пригорок. Там, на спуске, внизу клубился какой-то дым. Больше ничего понятного не наблюдалось. Но Тим не желал, чтобы Костик так легко от него отделался. Поэтому, не задумываясь о последствиях, он прыгнул следом.

Он настиг Костика уже в воздухе. Они куда-то летели. «Как Алиса в Стране Чудес», – мелькнуло у обоих в голове. Тим успел заметить, что Костик так и не выпустил из рук футляра.

– Тебе что, так дорога эта труба? – крикнул он на лету.

Но ответа не получил, поскольку они приземлились во что-то холодное и малоприятное. Неужели канализационный люк?

Порадовало одно – при приземлении они не ушиблись.

Мальчики, оглядываясь и дрожа, потому что было очень холодно, встали и огляделись. Пусть из дождливого, но всё-таки тёплого мая, они попали в совсем другие условия: Здесь всё ещё грязным снегом лежала поздняя зима, хотя нечто весеннее уже чувствовалось в воздухе. Но не только весеннее. Ещё и зловещее. Страшное-страшное. Не притворное, как в фильме ужасов, а самое настоящее. А ещё звук. Повторяющийся металлический стук. От него сделалось по-настоящему нехорошо.

И им обоим уже не казалось произошедшее шуткой. Было уже почти темно, и мальчишки мало что могли разглядеть. Но минут через десять, когда стало ясно, что выбраться немедленно им отсюда не удастся, а тонкие джинсовые курточки ни капельки не греют, пришлось окончательно признать своё нешуточное положение.

– Вон какой-то дом, вроде как заброшенный... разрушенный какой-то, видишь? – клацая от холода зубами, еле-еле выговорил Костик. – Пошли туда! Всё равно придётся где-то спрятаться. И согреться.

– Я домой хочу! – Тим говорил как малыш, но сейчас его это не волновало. Странная улица со странными мёртвыми зловещими домами, какой-то нездоровый свет, пробивавшийся сквозь темноту, отбили у него всю охоту казаться крутым. – Что это за стук?

– Домой ты всё равно сейчас не попадёшь, – Костик объяснял ему это тихо и спокойно. Неужели он что-то знал или о чём-то догадался? – Не попадёшь. А нам до утра надо как-то перекантоваться, чтобы не замёрзнуть. Поэтому пошли.

Дом был пугающим. Почему Костик выбрал именно этот? Хотя не только он, все дома в округе были такими же: чёрными и безжизненными.

– Я не пойду! – Тим снова заупряился. Слишком много всего: и конверт испорченный, и это жуткое место... Но сейчас даже встреча с Владом не так страшила его, как опасение застрять здесь, в неизвестности...

Внезапно на небе что-то вспыхнуло, завывали сирены, и с неба сошли какие-то широкие световые лучи и зашагали по земле, как слоновьи ноги. Костик и Тим заметались между ними.

– Бежим! – заорал спокойный до сих пор Костик. – Иначе пропадём!

И они бросились к подъезду, забежали вовнутрь. На улице что-то сыпалось, раздавались взрывы. Некоторые дома дымились.

Тим взбегая по ступенькам, споткнулся, упал, но сразу же вскочил и побежал дальше, вслед за Костиком. Они домчались так до четвёртого этажа и остановились. Одна дверь оказалась приоткрытой.

– Сюда! – скомандовал Костик.

Ни о чём больше не думая, мальчики занырнули в чужую квартиру, закрыли дверь (замок не работал) и, обессиленные, уселись в коридоре прямо на пол. Некоторое время они молчали, пытаясь отдышаться, слушая взрывы и следя за вспышками за окном. Сколько же это будет продолжаться? Неужели целую ночь? Но вдруг всё прекратилось. Не стовариваясь, мальчики подошли к окошку. Оно было заделано чёрной бумагой. Тим хотел сдёрнуть её, но Костик не дал. Они проделали дырочки и уставились на улицу. Там люди, тяжело и медленно ступая по снегу, возвращаясь откуда-то, заходили в дома, в том числе и в этот, где укрылись Костик с Тимом. Это обстоятельство встревожило его.

– Как ты думаешь, – шёпотом спросил Тим, – откуда они идут?

– А ты уверен, – так же шёпотом ответил Костик, – что сумеешь выдержать правду?

– Слушай, не умничай, ботан, – разозлился Тим. – Отвечай по-человечески.

– Это или 1942 или 1943 год, – медленно проговорил Костик. – Город? У меня есть предположение, какой, но оно пока не подтвердилось. Мы попали в прошлое, Тим. Не ожидал? Во времена Великой Отечественной войны. Мы – на войне, Тим.

– Ты сошёл с ума? – Тим отчётливо выговорил каждое слово. – Мне домой нужно! Какая война? Я конверт важный из-за тебя потерял... Я...

– Тише! Прислушайся!

С лестницы в комнату доносились звуки шагов возвращающихся откуда-то людей. Да не откуда-то! – осенило Тима, – а из бомбоубежища!

– Это бомбёжка ведь была? – спросил он у Костика.

– Да! Да! Ты можешь помолчать? Что, если хозяева сюда сейчас зайдут? Что мы будем делать?

Тим ещё раз про себя отметил, что Костик оборзел, но был вынужден спустить ему это с рук. Сейчас Костик был хозяином положения. А почему? Потому, что у него были знания. Он ведь ботан, много знает... Умный он очень, сразу обо всём догадался.

– Давай спрячемся. В шкаф или под кровать.

– Ну и глупо. Всё равно ведь обнаружат.

– Так что же делать?

– Не знаю, – честно признался Костик.

Ну хоть чего-то ботан не знает! Тиму даже немножко веселее стало.

– Кажется, все прошли, – сказал Костик, – теперь, наверное, уж никто не придёт. Смотри, вон какие-то одеяла, пальто свалены... Давай ими укроемся и попробуем заснуть. А утром что-нибудь придумаем.

– Ты больной, что ли? Как можно спать в такой обстановке? Мне домой надо!

– Сейчас ты туда никак не попадёшь. Чтобы вернуться домой, нужен анализ произошедшего, и план. А план я смогу составить только на свежую голову. – Он вздохнул и добавил: – И на сытый желудок.

Сытый желудок! Только сейчас Тим понял, как хочет есть.

– Слушай, Костик, – он в первый раз назвал его по имени. – Есть очень хочется. Пошли на кухню, поищем чего-нибудь съедобного, а?

– Ну, пошли, – неожиданно согласился Костик. – Мы ведь в безвыходном положении.

Тима покоробили эти слова, но голод увеличивался с каждой секундой. Он ничего не стал отвечать и заспешил на кухню, протянул руку к выключателю.

– Не включай! – крикнул Костик. – Не вздумай!

– Почему? – опешил Тим.

– Военное время! Нельзя! Да и электричество наверняка отключено.

– А как же еду искать?

– Никак.

– Почему?

– Потому что ты всё равно её не найдёшь.

– Почему?!

– Нет еды. Тут каждый день люди от голода умирают. Видел, как они шли? Еле двигались.

– Но что-то же они едят!

– Да, паёк по карточкам выдают. Но нам карточек нигде не достать.

– Что же нам теперь, умирать?

– Если не выберемся отсюда – умрём. Но мы не выберемся.

– Почему?

– Потому что мы в блокадном Ленинграде. Я купол Исаакиевского вдалеке увидел.

И догадался. Понял? Мы – в блокаде.

Мозг Тима отказывался воспринимать эту информацию.

– А у тебя булки не завалилось? Ты же всегда что-нибудь жуёшь.

Костик как будто смутился.

– Нет. Я от волнения всё съел. Пока летели.

– Во обжора! – возмутился Тим. – Как можно есть в такой ситуации? Ладно. Но я всё равно поищу. Вдруг что-нибудь завалилось! Я телефоном посвечу.

Он достал телефон и стал поочерёдно нажимать на клавиши. Безрезультатно.

– Попробуй ты свой, – попросил он Костика.

Но результат получился таким же.

Телефоны не работали.

Глава вторая

Горькое пробуждение

**О, ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...**

О. Берггольц Разговор с соседкой

Они всё-таки проснулись утром, как ни странно. Ведь Тим был уверен, что умрёт от голода в эту же, первую ночь. С тоской и раскаянием вспоминал он дедушкины супы и котлеты, которые так легко и бездумно выбрасывал в мусорное ведро (хоть бы уличным собакам отдавал!). В животе у него не то что урчало, а просто рычало. О, если бы сейчас хотя бы пару ложек каши. Или нет! Лучше пару тарелочек. Тим выкарабкался из-под кучи одежды и одеял, под которые они с Костиком вчера забрались, чтобы не замёрзнуть и, покачиваясь, как на палубе корабля, отправился на кухню, чтобы хоть воды глотнуть. Он открыл кран. Какое разочарование. Из крана не упало ни капли.

– Вот фигня? Что же делать?

Тим поплёлся назад в комнату, чтобы посоветоваться с Костиком, поскольку был вынужден признать его здесь лидером, вышел в коридор и... остолбенел. У входной двери, прямо перед ним, стояла девочка, примерно его возраста и роста, одетая в потёртую шубу и укутанная до пояса серой дырявой шалью. Её лицом было бледным и худым до крайности, а тёмные, да нет, просто чёрные глаза, как две космические бездны, смотрели сурово и неприветливо. Он не понравился девочке, и это чувствовалось сразу.

– Ты кто такой? И что здесь делаешь? – также сурово, как и смотрела, спросила она. – И как сюда попал? Это квартира дяди Лёши, он лётчик! А я забыла её закрыть из-за бомбёжки. Тебе что тут нужно?

– Я... ммм... у меня... – замямлил Тим.

Выручил, как всегда, Костик. Он появился на пороге комнаты и через минуту уже рассказывал, вполне правдоподобно, что их дом разбомбили, что они, Костик и Тимоха, остались одни, что совсем не знали, куда им деваться, потому что и соседи, и знакомые – все погибли, и вот, в отчаянии, они помчались, сами не зная куда, и забежали сюда, в первый попавшийся дом. Одна квартира оказалась открытой. Ты же сама говоришь, убеждённо говорил Костик, дверь забыла закрыть!

Тим слушал, открыв рот, и с удивлением отмечал про себя, что Костик переделался уже в какое-то допотопное пальто и такие же штаны и ничем, вообще ничем, не отличался теперь от ЭТИХ людей, в эпохе которых они оказались. Люди, которые брели вчера из бомбоубежища, были одеты также, и Костик сразу стал одним из них. Тиму показалось, что он смотрит старое кино о войне, и он, Тим, всего лишь зритель. Но невозможно оставаться зрителем в реальной жизни. Как быть мальчику из XXI века, для которого реальностью так внезапно стал блокадный Ленинград 1942 года?

Там, у себя, в своём времени, Тим всегда считал себя суперменом, у которого всегда есть деньги и который держит под ногтём собственного деда. Он хвастался перед друзьями – дед сделает всё, что он ему не скажет. А здесь? Он вообще не знает, что предпринять. И ещё – здесь по-настоящему опасно! Тебя запросто могут убить в любую минуту. Или ты сам умрёшь. От голода.

Тим как бы раздвоился. С одной стороны, он слушал рассказ Костика, а с другой – свои непрошенные мысли. Наконец, Костик замолчал. Девочка выслушала его ответ с таким же суровым видом и строго спросила:

– А карточки? Карточки у вас остались? Вы успели их взять?

– Нет, – горестно ответил Костик, – нет у нас ничего. Всё пропало.

Девочка покачала головой и перевела свой взгляд на Тима.

– А этот почему так вырядился? Никогда такого не видела!

– Так он... это... головой немного повредился, – выкрутился-таки Костик. – Это же не первая наша бомбёжка, сама знаешь. Доктор сказал, может, пройдёт, а может, нет. Иди, Тимоха, переоденься. Давай, быстрее.

У Тима сжались кулаки. Это кто повредился головой? Нет, ботан наскрёб себе на полгода вперёд. Дайте только вернуться домой. Домой! Внутри у Тима всё сжалось. И так от голода желудок сворачивается, так ещё вдруг такая боль внутри. Это что болит, желудок или сердце? Тим ничего не соображал. Он передевался в какое-то тряпье, слышал голоса Костика и девчонки, а глаза почему-то закрывались. Потом вдруг голоса превратились в воздушный шарик и улетели вверх, а сам Тим упал вниз. И, как ему показалось, с крыши высоченного дома.

Потом голоса вернулись, и Тим открыл глаза. Он лежал в настоящей кровати, укрытый настоящим одеялом, а на тумбочке у кровати стояла настоящая кружка, и из неё шёл настоящий пар. Чай! Тим привстал и, невзирая на головокружение, потянулся за кружкой, схватил её, хотя и было пальцам очень горячо, и поднёс к сухим губам. Какое разочарование! В кружке был просто кипяток. И очень невкусный кипяток. Что это за вода! Из Невы, как он узнал потом. Та вода из Невы, за которой ходили из последних сил по морозу и льду, с трудом набирали её в вёдра и везли потом домой на санках, боясь пролить её или даже расплескать. Дома кипятили её и пили, и варили похлёбку из обоев или картофельную кожуру, если была, но чаще всего не было, и запивали ей те блокадные двести пятьдесят граммов хлеба. И не всегда двести пятьдесят, а чаще всего – сто двадцать пять. Но Тим не знал всего этого, поэтому закашлялся и выплюнул воду и раздражённо поставил на тумбочку, а потом откинулся назад на подушку. Голоса, которые до сих пор звучали тихо и слаженно, стихли. Люди, сидевшие в углу комнаты за круглым столиком, все, как один, посмотрели на него. Среди них Тим сразу заметил и Костика. «И здесь приспособился», – зло подумал он. Глаза почему-то плохо видели, мутно, как сквозь плёнку, но Тиму всё же удалось сосчитать, что людей за столиком, кроме Костика, пятеро: та девчонка в платке, с ней рядом женщина, потом старушка какая-то, пацан лет шести и девчонка чуть помладше.

– Полегчало, сынок? – ласково спросила старушка.

Сынок! Какой я им сынок! Пусть вон ботан будет у них сынком.

Костик встал и сразу направился к нему, делая какие-то знаки. Женщины тоже встали, засуетились, только та девчонка осталась сидеть, неприязненно глядя в сторону Тима. Чем он ей не угодил? Перед глазами возникла тарелка горячих пельменей, посыпанных чёрным перцем. Если бы сейчас такую тарелку, пусть даже магазинных! Костик тем временем сел на край его кровати, развев тем самым мечту о пельменях, и зашептал ему торопливо:

– Делай вид, что ничего не помнишь, поменьше говори – у тебя один сленг, а для них это всё равно, что иностранный. И потом ты истории не знаешь, эти реалии тебе не знакомы.

Во как завернул! Реалии! Были бы сейчас силы – как врезал бы! Умник. Аж тошнит! Тим только застонал. А к ним уже спешила старушка с подносом, на котором стояла неглубокая тарелка и кусочек чёрного хлеба.

– Вот, сынок, поешь, подкрепись. Тебе сейчас это очень нужно.

Женщина в это время надевала пальто.

– Мне пора в госпиталь, – сказала она. – Если будет бомбёжка, обещайте мне, дети, что спуститесь в бомбоубежище.

Первым, конечно, отозвался Костик.

– Не волнуйтесь, Анна Сергеевна, – сказал он, – положитесь на меня.

Тим тем временем благосклонно принял поднос. Голод за это время никуда ведь не пропал, а наоборот, разросся. Голод превратился в спрута, огромного и жадного, который крепко запустил свои корни-щупальца в Тима.

Он начал быстро и жадно есть, но восторг его после первых двух ложек исчез. Хлеб, маленький, чёрный, чёрствый кусочек, и вовсе был отодвинут им с презрением. Дома такую еду он и под пытками не стал бы есть.

– Вы что, – сказал он, обведя всех глазами, – на помойке это взяли? Невозможно же есть!

Костик схватился за голову и застонал. Он не понимал, как можно было быть настолько тупым! Взрослые молчали, малыши смотрели на Тима с недоумением, зато девчонка отреагировала на реплику Тима быстро и жёстко. Она подскочила, выхватила у него поднос, а потом залепила ему пощёчину, а следом другую.

– Помои? Помои? – повторяла она. – Я тебе дам помои!

Пощёчины сыпались на Тима, словно обжигающие брызги. Первой опомнилась Анна Сергеевна. Она подскочила к дочке и оттащила её от Тима. Но та продолжала выдираться и кричать:

– Помои, значит? Он с Луны случайно не свалился? Пусть подойдёт к окну и посмотрит! Нет, правда, пусть подойдёт и посмотрит!

Тим не знал, куда деваться. Щёки горели, будто их натёрли крапивой. Но ещё хуже ему было на душе. Какая-то девчонка, при всех... Нет, она психованная! Он задышался, слёзы, как ни старался он их задержать, текли по лицу. Если б были силы! Он бы им показал! Сил не было, они совсем улетучились. Он больше не мог терпеть. Тим перевернулся на живот и зашёлся в плаче. Домой! Домой! Как туда попасть? Что это за кошмар? Он чувствовал себя обиженным, но вместе с тем понимал, что он сделал что-то страшное и непоправимое. Никто его не утешал. Более того, он почувствовал, что остался в комнате один. Все вышли, даже Костик. Даже Костику он был противен. Он-то сразу стал здесь своим. А он, Тим, обречён на гибель. А почему девчонка так истерила? Что-то там говорила про окно. Подумав немного и утерев слёзы, он кое-как добрался до окна и увидел то, чего не заметил раньше, потому что вчера было темно. Но откуда здесь взялось столько огромных кукол. Но уже в следующий миг он понял, что никакие это не куклы. На грязном мартовском снегу сплошь и рядом лежали... трупы. Много-много трупов, на которые никто не обращал внимания. У него в голове пронеслось всё, что успел сказать ему Костик: блокада... голод... Эти люди умерли от голода! Вот почему девчонка так кричала. Видно, кто-то пожертвовал ему свою порцию. И это сейчас, когда еды никому не хватает. А он – помои! Тим добрался до своей кровати, сел. Тарелка с остывшей кашей и кусочком хлеба по-прежнему стояла на тумбочке. Он взял тарелку и съел всё до последнего зёрнышка, до последней крошечки. Потом лёг и сразу уснул.

Глава третья Всё по-другому

В те дни исчез, отхлынул *быт*.

И смело

в права свои вступило *бытие*.

О. Берггольц Твой путь

Никто не напоминал ему о случившемся. Тим решил, что ему лучше помалкивать, тем более что Костик обещал ему что-нибудь придумать, чтобы вернуться домой. Сначала Тима никто не трогал, но потом он сам, постепенно вовлёкся в общие дела: стоять по полдня в очереди за хлебом, ходить на Неву за водой, таскать дрова. Девчонка, её звали Аня, с Тимом не разговаривала, вообще даже не глядела на него. Её лицо стало ещё более худым, а взгляд ещё жёстче. Но Тима поражало, что в ней, в девчонке, которая не толще спички, столько силы! Её хватало на всё: на уход за младшими братом и сестрёнкой, на помощь бабушке, на посещение госпиталя, на таскание воды и дров, на тушение зажигалок на крыше после бомбёжек. На всё... Его поражал Костик, который без отчаяния и лишних вздохов включился в общее дело, так, как будто всегда здесь жил. Он разговаривал со взрослыми на равных, часто повторяя:

– Как бы долго не длилась блокада, Ленинград всё равно выстоит. Фашистам не взять ни Москвы, ни Ленинграда.

Убеждённость, с которой он это говорил, вдохновляла людей. Им становилось легче. Конечно, они и представить себе не могли, что это двенадцатилетний мальчишка точно знает то, о чём говорит. Тима так и подмывало крикнуть:

– Люди, это правда! Ботан вызубрил историю на «5+», он точно знает, что будет!

Но он, уже кое-чему наученный, помалкивал. Интересно, что сказала бы строптивая Анька, если бы ей стало известно, что они из будущего, из XXI века! Наверняка, с неё сразу бы слетела её спесь. Но Тим никогда не решится ей этого сказать. Хотя бы потому, что он, в отличие, от Костика, почти ничего не знает из истории. Он даже не знает, когда закончится блокада.

Самым страшным было слечь. Слечь и уже больше никогда не встать. Но как быть, когда больше всего на свете (после вкусной еды, конечно, но ведь её всё равно не достанешь!) хочется спрятаться под грудой тряпок, каких-то там старых пальто, чтобы не слышать свиста снаряда, который пролетает над самой крышей. Оказывается, мир над городом, в котором ты живёшь, то есть, жил раньше – это такое счастье, но ты почему-то его не замечаешь и не ценишь. А в момент, когда этот жуткий снаряд прорывает воздух, которым ты дышишь, рискуя в любой момент перерезать ту хрупкую пуповину, связывающую тебя с реальностью, страх заставляет зарываться в эту тёмную тряпичную нору, как самому последнему трусу на земле. Иногда за это бывало ужасно стыдно, особенно под взглядом Аньки, которая никогда, никогда не вела себя подобным образом. Если она и ложилась, то только поверх одеяла, а если уж укрывалась, то одной старой шубой, но совсем не из-за страха, а из-за холода. Впрочем, Тиму почти всегда бывало стыдно за свою трусость, за исключением тех случаев, когда ему, напротив, всё становилось безразличным. Тётя Аня всё делала для того, чтобы люди, окружавшие её, не опускались и не приходили в такое состояние. Но было тяжело. Очень-очень тяжело. И тёте Ане, наверное, больше всех.

Вот вчера, например, в соседний дом попал снаряд. В квартире, где вынесло окна, жили знакомые тёти Ани. Как только воздушная тревога закончилась, она поспешила туда. Анька, конечно, за ней. И Костик тоже. Тиму хотя и не очень-то хотелось встать, но он из-за Аньки пошёл вместе со всеми. Но лучше бы не ходил.

Поспешили – это громко сказано. Все ведь еле передвигались. Так вот, пока ползли, тётя Аня всё причитала: «Там Варенька, Варенька. Одна с ребёнком. Только бы с ней ничего не случилось!»

Увы, случилось. Тим сразу потерял сознание, как только увидел этот ужас. Варенька сидела, прислонившись к стене, вытянув перед собой худые ноги в валенках. Она показалась Тиму живой, пока он не посмотрел выше. Зачем только посмотрел? Никогда, никогда этого не забудет! Какими чудовищными показались ему компьютерные игры, где убить человека казалось таким простым делом...

Вареньке снесло полголовы.

Это фашисты её убили. Так легко и просто.

Только что, до налёта, девушка была жива, и вот – уже у неё нет полголовы. Тим не знал, когда все эти мысли пришли ему в голову: до или после обморока, но только увидев это кошмарное зрелище, он закричал (откуда только голос взялся? С некоторых пор все только переговаривались тихими голосами) и упал. Позорно грянулся об пол. Тут такое – человек убит, а он – в обморок. Все, конечно, бросились его в чувства приводить, Анька ему в лицо водой начала брызгать. От этого Тим и пришёл в себя. Увидел над собой лицо Аньки, улыбнулся, а она сразу отпрянула. Но Тиму хоть ненамного, а легче стало. Он сразу спросил о ребёнке Вареньки. «Умер он, – ответил Костик. – Окна же повыбивало, вот он, наверное, от холода и умер». То есть, они мертвы оба. Не дожили до прорыва блокады. Не узнают, в какой день кончится война. «Вставай, – сказал Костик, – нужно идти».

Вставать? А зачем вставать? Может, остаться здесь, в этой страшной квартире с разбитыми окнами, и умереть от холода, как несчастный Варенькин младенец? Он с ужасом покоился в сторону, к той стене, где сидела Варенька. Но её уже не было. Видимо, тётя Аня побеспокоилась и об этом, и женщину забрали. Вот и хорошо. Всех погибших унесли, а он останется здесь. Он будет следующим. Какой смысл вставать и что-то делать, когда их участь уже решена? «Вставай, – повторил Костик. – Тебе же теперь лучше? Так вставай и иди!»

«Я никуда не пойду, – отвечал Тим. – Зачем? Какой смысл? Я больше ничего не хочу».

«Тим, да ты что! – Костик был возмущён. – Не валяй дурака!»

«Не упрашивай его, Костик, – услышал Тим голос Аньки. – Он же размазня!»

Этих слов было достаточно, чтобы Тим поднялся и пошёл за всеми, хотя был ещё очень слаб, и его даже пошатывало. Но он пошёл.

Анька же по-прежнему смотрела на него с презрением.

Глава четвёртая В госпитале

Сжималась жизнь во мне...

О. Берггольц Твой путь

Однажды утром Костик сказал:

– Мы сегодня идём в госпиталь. Пойдёшь с нами?

Тим кивнул, потому что не было сил ничего отвечать. От голода его ужасно мутило, все мысли и сны были только о еде. Тот жалкий паёк, который отрывала от себя семья Лавриненко, не могла, конечно, насытить мальчишку. Он внимательно оглядел Костика и увидел, что его друг-«ботан» уже совсем не толстый. Толстые когда-то щёки впали, а под глазами какие-то жёлтые синяки.

– Я пойду, – сказал Тим. А потом шепнул: – Костик, а когда блокада кончится?

Костик посмотрел на него так же, как почти все здесь на него смотрели – как на бесполезное существо. Вздыхнул и сказал:

– Блокада кончится в 1944 году.

– Так долго? – изумился Тим.

Костик ничего не ответил и побрёл в коридор, надевать валенки. У дверей он повернулся и сказал:

– Блокада длилась девятьсот дней и ночей.

Девятьсот! Тим пошатнулся и чуть не упал, успев схватиться за вешалку. Девятьсот! Да здесь никто не выживет!

Тим не знал, упасть и умереть сразу же после такого заявления или попытаться всё-таки хоть что-нибудь сделать. Получается, он здесь слабее всех.

Нет, надо что-то делать. И он решил идти со всеми в госпиталь.

Когда он вышел, Анька и малыши, Петя и Катя, уже сидели одетые в коридоре, ждали Костика.

Аня насмешливо оглядела Тима, но ничего не сказала. Он тоже не очень дружелюбно глянул на неё. Наконец, все вышли на улицу. Ох, как тяжело!

Тим уже почти что привык к этой страшной картине: грязный снег, огромные сугробы, выше человеческого роста, которые, наверное, никогда не растают, загаженные улицы, никем неубираемые трупы, и люди, медленно, как во сне шагающие по улицам, неумытые, с потухшими глазами, обессиленные от голода. «И я уже такой же. И я, – думал Тим. – И ничто с Костяном нас больше не спасёт. Хотел бы я знать, что за тётка отправила нас сюда. Я есть хочу!»

Катя споткнулась, упала и заплакала. Аня и Костик бросились поднимать её, а Тим, как всегда, остался в стороне. Он тупо смотрел, как они с трудом поднимают её, отряхивают, утешают, и вдруг подумал, что малышам, наверное, ещё тяжелее. Он перевёл взгляд на Петю, который тихо и безучастно, слегка пошатываясь, стоял с ним рядом. Тим наклонился к нему.

– Давай руку, – сказал он. – Ты устал, наверное.

Петя послушно протянул ладошку. Тим ухватил его, но земля вдруг как будто разверзлась перед глазами. Петя был лёгкий-лёгкий, но Тим не мог его поднять, потому что сил не хватало. Голова закружилась, будто пропеллер вентилятора, и он почувствовал, что сейчас упадёт на мальчишку сам. Хорошо, что Костик ухватил его сзади за хлястик пальто. Так и получилось: как в сказке «Репка», ухватившись друг за друга, им удалось подняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.